

5. Ковалевски С. Циклические трансформации в североамериканской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. — М.: Логос, 2000. — С. 175–176.
6. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. — М.: Наука, 1988. — 272 с.
7. Пагсам Джонсан. История и хронология Тибета. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. — 250 с.
8. Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. — М.: Восточная литература, 2005. — 351 с.
9. Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. — М.: Наука, 1980. — 344 с.
10. Нихон сёки. Анналы Японии. Перевод, предисловие и комментарии Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1997. — Т. 1. — 494 с.
11. Нихон сёки. Анналы Японии. Перевод, предисловие и комментарии Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1997. — Т. 2. — 427 с.
12. Ким Бусик. Самгук Саги. — М.: Восточная литература, 2001. — Т. 1. — 383 с.
13. Ким Бусик. Самгук Саги. — М.: Восточная литература, 2002. — Т. 2. — 405 с.
14. Переломов Л.С. Империя Цинь. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 244 с.
15. Цендина А.Д. И страна зовется Тибетом. — М.: Восточная литература, 2002. — 302 с.

УДК 17

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.В. Луценко

Северская государственная технологическая академия

E-mail: secretary@ssti.ru

Анализируются социально-политические и культурно-мировоззренческие компоненты процесса индустриально-технологической модернизации второй половины XIX – начала XX в, оцениваются технологии сохранения власти крупных собственников в условиях «капиталистического тупика».

Ключевые слова:

Рабочее движение, культура социального взаимодействия, идеология общества, авторитаризм, индивидуализм, коллективизм, империализм, «военный коммунизм».

Частно-индустриальное развитие Западной Европы началось методами, применение которых определило нарождавшийся строй как «дикий», «хищный» и «нецивилизованный» из-за безудержного стремления новоиспеченных хозяев жизни как можно скорее сказочно разбогатеть. По расчетам экономистов, частник, всего лишь раз вложив в дело капитал, далее при 30 %-ной прибыли мог жить припеваючи, не трудясь: такой доход вполне обеспечивал ему безбедное паразитическое существование [1]. Однако капиталист, чтобы чувствовать себя властелином мира, купающимся в роскоши, не удовлетворялся даже 30 %-ной прибылью и нацеливался на сверхдоходность всеми способами.

В публикациях английского профсоюзного деятеля Т.Дж. Даннинга эта специфическая устремленность образно представлена в виде характерной особенности хищника-буржуа: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все чело-

веческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы» [2]. Что касается ординарного собственника-буржуа, то он выбирал, как правило, наименьший риск для себя и достигал цели, опираясь на распространенные в обществе представления, скажем, на мнение о том, что чем больше наемный пролетарий трудится, тем быстрее богатеет и он сам, и его хозяин. Исходя из этого, фабриканты — один за другим — увеличивали продолжительность трудового дня у рабочих — сначала до 12...14 ч. в сутки, а потом и до 16...18.

Хотя результат при этом получался не в пользу пролетарских масс, принятое хозяином решение обратного хода не знало. Промышленная революция с ее техническими новшествами не изменила к лучшему положение наемных работников: повсеместно введенная в производство потогонная система оказалась еще более разрушительным фактором, нежели простое максимальное увеличение рабочего дня. Работодателями был запущен в ход жесточайший тотальный контроль за трудом пролетариев, а мерой воздействия на «ленивых» были избраны штрафы, достигавшие 80...90 % заработной платы [3].

Однако «справлять свои вакханалии» (выражение К. Маркса) капиталу не удавалось без проблем. Поначалу собственникам в погоне за скорой наживой даже в голову не приходило, что «человек, не располагающий ни минутой свободного времени, человек, вся жизнь которого, не считая обуславливаемых чисто физическими потребностями на сон, еду и т. д., поглощается работой на капиталиста, — такой человек низведен до положения хуже выючного животного. Изможденный телесно и огрубевший духовно, он — только машина для производства чужого богатства» [3].

Последнее обстоятельство было бы особенно по душе фабрикантам, если бы не чересчур резвая потеря трудоспособности среди наемных работников. Чем больше буржуазные экономисты занимались этой проблемой, тем неутешительнее были их выводы. Даже Томас Роберт Мальтус отступил от своих прежних позиций, хотя еще в 1798 г. он бескомпромиссно стоял на том, что народонаселение возрастает быстрее средств к существованию, и по этой причине социальные преобразования и помощь бедным в принципе бесполезны: кому нечего есть, пусть умирает — мир от этого не пострадает. Однако не прошло и двух десятилетий, как в своем «Исследовании о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих» Мальтус, анализируя последствия «дикой» эксплуатации трудовых масс, вынужден был констатировать: «Если так будет продолжаться и дальше, то жизнь нации будет подорвана в самом своем корне» [3. С. 70]. Это мнение идентично выводам «Шестого отчета о здоровье населения», подготовленного для парламента Великобритании медицинским инспектором Тайного совета. В этом исследовании особо обращал на себя внимание пункт о массовой пауперизации, где речь идет о бедности, которая «вовсе не является заслуженным наказанием за лень; это — во всех случаях бедность трудящегося населения» [4].

Очевидно, проблема и в самом деле назрела, поскольку в каждой стране появилась огромная армия «работающих бедняков» — *«labour poor»*, вызвавших озабоченность просвещенной Европы. Немецкий журналист Вильгельм Вульф в цикле статей под общим названием «Силезский миллиард» показал на примере рабочих польской части Верхне-Силезской провинции, насколько ужасающей была жизнь наемных пролетариев, которым за работу по 16...18 ч. в сутки всякий богатеющий на их труде хозяин платил так мало, что им не на что было восстановить изнуренные силы. Питались эти бедолаги в основном картошкой, а когда денег не хватало, «варили себе суп из украденного сена и поедали падаль». Желание забыться от усталости, горя, неустроенности и отчаяния подталкивало их к злоупотреблению алкоголем. К водке, которую еще при изготовлении разводили водой, шинкарь обычно прибавлял «для крепости» разные примеси, «причем главную роль играло *купоросное масло*

(серная кислота — А.Л.). Ослабленный желудок вскоре после этого отказывался служить человеку. «Если принять во внимание плохую одежду, грязное нездоровое жилище, холод зимой», то несложно представить, насколько вольготно чувствовал себя здесь голодный тиф. В результате измученные люди массово начинали «околевать, как скотина». Кто способен был воровать, тот воровал. Кто умел, — попрошайничал. Но хуже всех приходилось тем, кто не имел «сил и умения ни для того, чтобы воровать, ни для того, чтобы просить милостыню. Их ложе из истлевшей соломы особенно часто посещает ангел смерти от эпидемий», — так закончил свое повествование о печальной участи силезских рабочих В. Вульф [5]. Все, о чем писал немецкий журналист, можно было увидеть в любом уголке Европы.

Последствия «дикой», «нецивилизованной» эксплуатации были столь очевидны и столь катастрофичны, что собственники вынуждены были пересмотреть все те методы, которые обрекали людей не на жизнь, а на выживание. Пришлось отказаться и от мысли, что человеческий ресурс неисчерпаем. Правда, случилось это только тогда, когда капиталисты перестали получать задуманно-желанную прибыль и тем были поставлены перед необходимостью корректировать свои требования и привычки, поскольку столкнулись с так называемым объективно существующим физиологическим пределом, за которым у наемного работника с неизменным постоянством рано или поздно начиналось прогрессирующее падение трудоспособности из-за катастрофической изношенности организма. Падение трудоспособности сочеталось с ростом брака, аварий, увечий и тому подобных негативных фактов.

С бедственным положением пролетарской массы пришлось считаться и по другой причине. Пока труд наемного работника не требовал особой квалификации, проблеме с кадрами не придавали большого значения и списывали непроизводительный труд на лень нерадивого пролетария, с которым хозяин обычно легко расставался. Но проблема встала в полный рост, когда понадобились профессионалы, пренебрежительное отношение к которым было бы бездумно расточительным в условиях нарастающей конкуренции. Мастера-специалиста стали беречь, а изнурительный неквалифицированный труд переложили на плечи «чернорабочих», женщин и детей. Кстати, женщин и подростков принуждали работать почти наравне с мужчинами, но платили гораздо меньше, и такая дискриминация приносила и продолжает приносить неплохой куш хозяевам производств. Особый разговор и о детском труде: в 1832 г. министры английского правительства выдали «на гор» для частных капиталистов предписание, допускающее введение 12-часового рабочего дня для детей моложе 12 лет [3].

Больно ударившее по карману собственников-капиталистов растущее противоречие между мето-

дами эксплуататоров и реальным положением эксплуатируемых вынудило первых ради повышения эффективности производства целенаправленно заняться выявленной проблемой, чтобы определить, как без штрафов, жесткого внешнего контроля и иных форм принуждения заставить пролетариат работать продуктивнее, не переступая грань физиологических возможностей человека. Выяснилось, что начинать надо с изучения тех резервов, которые кроются в самом человеке. И тогда на смену потогонной системе пришла система Тейлора. Первый этап ее внедрения в производство ознаменовался введением стандартизации инструментов (1880 г.).

Дело пошло эффективнее, когда в 1882 г. была создана так называемая функциональная администрация, которая, анализируя условия труда, физиологические возможности и уровень квалификации рабочих, пришла к убеждению, что на каждом производстве существует свой ритм работы, влияющий на производительность труда. В 1883 г. впервые был проведен хронометраж трудового процесса, который позволил выявить пики, спады и периоды почти нулевой активности производственного персонала, а также разработать соответствующие рекомендации по распорядку рабочего дня. На их основе стали появляться предписания в виде инструкций и нормативных распоряжений, требующих безусловного исполнения, хотя и не обязательных для понимания исполнителей, — по принципу «делай не рассуждая» [6].

Необходимость поиска социальных резервов труда диктовалась отнюдь не заботой хозяина-капиталиста о человеке труда. В условиях, когда на промышленных предприятиях стали сосредотачиваться сотни и даже тысячи людей, которым предоставлялось всего лишь 6...8 ч послерабочего времени для восстановления сил, обнаружилось, что большинство персонала довольно быстро приобретало симптомы затяжного стресса: отрицательные эмоции преобладали, синдром хронической усталости снижал потенциальные возможности даже опытного профессионала. Это, в свою очередь, вело к разбалансировке нормальной работы мозга до такой степени, что толкало человека на неконтролируемую агрессию или, напротив, доводило его до психического оупения. Поскольку у человеческого мозга есть оптимальный диапазон функционирования (что современной медициной отслеживается с помощью электроэнцефалограммы), то при непрекращающейся максимальной нагрузке на мозг его активность выходит за пределы этого диапазона, и способность человека разумно реагировать на окружающую действительность резко уменьшается и даже совсем исчезает в связи с тем, что активизировавшиеся отделы мозга, управляющие эмоциями, полностью блокируют рациональное критическое мышление. Таким способом мозг защищается от чрезмерных перегрузок, и эта его природная особенность не зависит ни от широты мировоззренческого кругозора, ни от степени об-

разованности, ни от положения в обществе — она определяется лишь уровнем перегрузки [7].

Как оказалось, работать изо дня в день по 12...18 ч в сутки с полной отдачей сил губительно для психического здоровья, потому что личность вскоре теряет способность адекватно реагировать на жизненные ситуации, ибо в событиях и явлениях начинает видеть *не то, что есть на самом деле, а то, что хочет (или не хочет) видеть*. Чем больше морально и физически подавленных, переутомленных сверх всякой меры личностей в коллективе, тем меньше шансов у этого круга людей эффективно приспособиться к жизненным условиям. Критические выпады в адрес такого работника, обвинения его в «тупости», «лени», «неумении и нежелании жить и работать с полной отдачей сил» непродуктивны, ибо не несут положительный заряд, усугубляя стресс и ускоряя распад личности.

Если в условиях затяжного стресса находится целая группа людей, потерявших позитивные ориентиры в жизни, то скорость деградации всей группы многократно увеличивается. Темпы роста единичных и коллективных суицидов подтверждали этот вывод. Более мягкий вариант ухода от действительности — это алкоголизм и опиумная наркомания. «Дикий» капитализм в Англии сопровождался чудовищным пьянством. Чопорная Великобритания до сих пор не избавилась от этого порока: там алкоголичками становились даже домохозяйки, у которых мужья много работали. Процесс меркантильного разложения традиционных порядков в европейских странах сопровождался вспышками насилия в виде извращенной агрессии, разгулом безнравственности. Поголовное пьянство, например, в Германии приобрело в XIX в. характер национального бедствия [8]. Молодежь быстро взрослела и объединялась в агрессивные блоки деструктивной и даже криминальной направленности.

Поскольку владельцам промышленных производств поневоле пришлось искать новые способы использования социальных резервов труда, то ориентация на разработку стандартных рецептов, гарантирующих оптимальные условия для реализации типичных целей типичными средствами, внесла определенный положительный момент в отношения работодателя и работников: она была на руку не только собственникам, но и пролетариатом давала уверенность в том, что работающий рядом будет поступать предсказуемо — строго в соответствии с готовыми предписаниями, которые теперь фактически задавали строго определенные параметры поведения, понятного всем сопричастным к делу. Если до сих пор на производстве существовало хаотическое взаимодействие множества элементов, участвующих в трудовом процессе, то во второй половине XIX в. появилась довольно четко обозначенная упорядоченность производственных структур, где *организованность выступает как особый атрибут*.

Если раньше торжествовал строй, который, по выражению швейцарского экономиста Ж.Ш. Си-

монди, стремился «отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» [2], то после революций первой половины XIX в. приходит время «ошеломляющего» экономического прогресса. Происходит беспрецедентное увеличение богатства и мощи европейских олигархов за счет того, что, по словам Маркса, «один капиталист побивает многих» [2]. Концентрация производства и «происходящий в геометрической прогрессии» рост монополий [4] становятся главной приметой этого периода. Появление трестов, картелей и синдикатов, вопреки теории К. Маркса, не привели ни к обнищанию пролетарской массы, ни к глубоким кризисам перепроизводства. Мало того, капиталисты проявляли невиданную гибкость, когда парламентарии Европы потребовали от владельцев предприятий ликвидировать пауперизм и впредь разрешать все социальные конфликты конституционным порядком, не доводя дело до революционных взрывов. Казалось, объективные предпосылки для опасных общественных потрясений в Европе ушли в прошлое.

Но случилось то, что можно назвать капиталистическим тупиком — в индустриально развитой Европе развитие экономики достигло такого состояния, при котором дальнейшее увеличение капитала стало невозможным. При этом капитализм не «умер» и не «подобрел». Просто, утратив возможность распространяться вглубь общества, он начал развиваться вширь, распространяясь во все уголки мира. Оказывая давление на национальные правительства, сверхбогатые магнаты подталкивали их на вооруженные захваты все новых и новых территорий. В 80-е — 90-е годы XIX в. Франция захватила Тунис, часть Конго, Вьетнам, Мадагаскар; Англия подмяла под себя Египет, Судан, Бирму, две бурские республики; Япония захватила Корею и пыталась одолеть Китай, и т. д.

На рубеже XIX—XX вв. обнаружилось, что всевластную олигархию перестал пугать прогноз К. Маркса об естественном зарождении социализма в недрах капитализма и неизбежной «экспроприации узурпаторов». Оставалась без комментариев и точка зрения В.И. Ленина о возникновении промежуточной фазы перехода капиталистического «количества» в империалистическое «качество» [9]. Проигнорировали и теорию «военного коммунизма» А.А. Богданова, хотя родоначальник системного анализа ближе всех подошел к сути дела, т. к. увидел в происходящих мировых процессах начало смены социальных технологий, найденных капиталистами для укрепления своего господства.

Главной проблемой времени А.А. Богданов назвал неспособность пролетариата исполнить указанную К. Марксом «историческую миссию», поскольку *от признания миссии до умения ее осуществить* «провал» остается незаполненным, и социалистический идеал рабочих движений пока всего лишь «украшение фасада». Причину ученых усматривал в существовании «антиномии» марксизма:

отрицание за идеологией руководящей функции на словах и ее признание за «классовым сознанием» на деле ведет к тому, что в массах формируется *приспособленческое* мировоззрение [10], тогда как решающим фактором в битве за роль «мирового хозяина» окажется победившая идеология, поскольку борьба каждого класса будет нацелена на победу «своей организации мира», *своих* методов влияния на общественную жизнь, а незаполненный «провал» между целью и ее реализацией займут «промежуточные формы», их характер будет зависеть исключительно от принципов организации социальных сил, сотрудничество которых исторически осуществлялось по одному из трех основных типов: авторитарному, индивидуалистическому или коллективистическому («товарищескому»), совмещающему в себе «равенство с организационным единением» [11].

Авторитарный принцип дал людям систему духовных ценностей, сплоченность, организовал общество «как в его трудовом бытии, так и в его сознании <...>. Если бы следовало ценить социальные принципы по их историческим заслугам, то каждый должен был бы преклониться перед авторитарной идеей», если бы не враждебность авторитаризма к гражданской свободе: он «признает законным лишь произвол господствующего» и нетерпим к инакомыслию [11]. «Дух индивидуализма», напротив, стремится развить личность, ее боевую энергию, независимость, инициативу, тяготеет к свободе мыслей и действий, что нередко оборачивается вседозволенностью.

Эти два принципа всегда «влекут людей <...> в противоположные стороны», поэтому столкновения между ними неизбежны. «Эпизоды» такой борьбы «кровавыми буквами записаны в истории человечества» — это и борьба католиков и протестантов, и террор Французской революции, и еретики-реформаторы Средневековья, «поднимавшие знамя свободы совести против авторитарного Рима», преследования инквизиции, вплоть до сожжения на кострах заподозренных в отступлении от веры [11]. Но «в историческом ходе борьбы авторитета с индивидуализмом произошел за XIX в. глубокий переворот, — когда на арену истории выступил третий культурный принцип — коллективизм» [11], идеалом которого является «общее дело» и «объединенная, гармонически стройная, *товарищеская* организация производства и всей творческой работы людей» [12].

Человек в этой организации ощущает свою деятельность полезной и полноценно востребованной, а отношение к нему в коллективе как к равноправному партнеру. Здесь признают «не только коллективизм труда и общественной борьбы, <...> но также коллективизм познания, мышления, <...> собранный, приведенный в порядок, организованный *коллективный опыт*», который формирует у человека «не мирозерцание, а мироотношение» [12]. Коллективист четко осознает свое положение

в общественной структуре, получает представление о возможности защищать свои собственные интересы и стремится расширить рамки своей социальной роли в условиях капитализма. Чем коллективистов больше, чем обширнее их познания о методах организации всех сторон жизни, тем более они готовы к преодолению навязанных им чуждых норм взаимодействия с окружающим миром, тем более они способны отстаивать право на *свои* экономические, юридические и культурные законы, на принципиальное преодоление существующих и творческую смену старых норм принципиально новыми.

Именно поэтому коллективизм оказывается организационно и мировоззренчески несовместим ни с авторитаризмом, ни с индивидуализмом, — и эти два давних врага объединяются для беспощадной борьбы с ним, поскольку «приручить» его невозможно: слишком массовую поддержку получает новое мироотношение. Сокрушить коллективизм особенно стремятся крупные собственники, которые осознали, что каждый из них объективно не сможет уберечь свои миллионы в одиночку. Поэтому лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» владельцы сверхбогатств стали противопоставлять тактику объединения капиталов и разобщения рабочих коллективов территориально и статусно, вынося различные элементы единого технологического цикла в разные страны.

Сила мегакорпораций сама по себе являлась достаточной для победы в противостоянии между капиталистами и коллективистами, даже если бы оно приняло характер социального кризиса, но могущественные магнаты, оказывая давление на национальные правительства, с помощью государственных механизмов обостряли кризис до состояния катастрофы, разорительной для всех и прибыльной для мегакорпораций, т. е. до состояния войны, политического переворота или общей дестабилизации. Любое из этих явлений, особенно война, «автоматически устраняет большую часть обычных противоречий экономики капитализма <...>, создает колоссальный дополнительный рынок для товаров и такой же спрос на рабочую силу; этим приостанавливается действие всех тех отрицательных условий, которые порождаются ограниченностью рынка <...>, его анархическими, стихийными расширениями и сужениями. Капитал <...>, — ценной перемещения в отрасли, нужные для войны, — перестает страдать от конкуренции и от понижения цен; работник же — от конкуренции других рабочих и от безработицы» [10].

Тотальные дестабилизационные процессы в обществе не могли не породить экономику, которая имеет четко выраженный дефицитарный характер и базируется на внерыночных механизмах административно-бюрократического уравнительного ра-

спределения, а нищающее население, поставленное под всесторонний контроль поддерживающего мегакорпорации управленческого аппарата, становится заложником идеологии этого аппарата, за время войны сосредоточившего в своих руках необъятную власть и не собирающегося ее лишаться в условиях мирного времени. «Рабочий класс, <...> носитель высшего типа сотрудничества (т. е. коллективизма — А.Л.), <...> вынужден искать для своей жизни, для собирания своих сил, новых организационных методов, потому что только они могут дать ему историческую победу; в пределах же старых методов он обрекается на роль живого материала промышленности и пушечного материала милитаризма <...>. И несомненно, он *ищет* новых методов, хотя пока еще только стихийно, ошупью; несомненно, он *находит* их, пока еще лишь частично <...>.

Но все это — эмбрионы, а не зрелая жизнь, части, а не целое. В *целом* же до сих пор господствует прежний, от прошлого унаследованный и воспринятый тип организационного мышления. И с особенной силой держится он как раз у *идеологов* класса, еще в большей степени воспитанников старой культуры, чем те широкие массы, делу которых они служат» [10]. Нечего пролетариату надеяться и на научно-техническую интеллигенцию, потому что, если бы ей пришлось действовать в интересах пролетариата, а не господствующих структур, то в этом случае «она сама, своими руками работала бы над разрушением основ своей временной привилегии; ибо очевидно, что, наладив производственную машину и подготовив тем самым пролетариат к самостоятельному ведению всего дела, она лишилась бы выгод своего положения, потеряла бы свою прибавочную стоимость и растворилась бы в трудовых массах. Примеров такой самоотверженности в истории пока не встречалось» [10]. Сам же пролетариат, «*такой, какой он есть*» [10], не в состоянии принять как истину то, что именно он — творец социального прогресса, поэтому не осознает, что старые революционные методы в новых условиях недостаточны. А так как «организующие формы не могут возникнуть раньше того содержания, для организации которого они послужат», то пролетариат на данном этапе общественного развития «не может дать миру того, чего сам не имеет» [10].

Вот почему классический капитализм уступил место общественному строю, который А.А. Богданов назвал «военным коммунизмом», а в мировой истории XX и XXI вв. элементы этой системы, возникавшие в разных странах под воздействием различных социально-экономических и политических факторов, получили очень близкие по смыслу наименования — парламентский социализм, государственный капитализм, национал-социализм, глобализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробко Д.П. Социальный материализм. Теория стоимости. – Пушино, 2000.
2. Маркс К. Капитал. Гл. 21. Так называемое первоначальное накопление // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1980. – С. 102–156.
3. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1980. – С. 28–80.
4. Маркс К. Учредительный манифест международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1980. – С. 5–13.
5. Энгельс Ф. Вильгельм Вольф // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. – М.: Политиздат, 1961. – С. 55–97.
6. Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. – 2003. – № 3. – С. 48–58.
7. Бехтерева Н.П. Через тернии... // Наука и жизнь. – 1990. – № 9. – С. 68–73.
8. Новик И. Системность оптимального выбора // Общественные науки и современность. – 1995 – № 1. – С. 118–126.
9. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Сочинения. 4-е изд. Т. 22. – М.: Политиздат, 1953. – С. 173–290.
10. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.
11. Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. В 3-х кн. Кн. 1. – М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. – С. 68–75.
12. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1903 – 1913) // Неизвестный Богданов. В 3-х кн. Кн. 3. – М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

Поступила 18.03.2009 г.

УДК 331.101.3

СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С.В. Катасонов, Н.Н. Титова, В.Ф. Жукова

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Сургут
E-mail: n-zhukova@mail.ru

Определена значимость сценарного прогнозирования. Проанализированы категории для определения различных типов социально-трудовых отношений. В качестве основной задачи работы представлено построение сценарных прогнозов существующих противоречий, которые являются основным фактором возникновения конфликтов. Сделан вывод о том, что используемые ранее методы сценарного прогнозирования в исследовании социально-трудовых отношений, рассматривали прогноз с предметных позиций права, экономики. Предлагаемая методика позволяет рассмотреть взаимосвязь экономики и права на формальную и неформальную мотивационную составляющую определяющую отношение людей к принятым решениям, сформировать прогноз поведения участников трудовых отношений на макроэкономическом уровне в различных ситуациях, а так же рассмотреть экономические и социальные последствия принятия нормативно-правовых актов.

Ключевые слова:

Сценарное прогнозирование, методы допущения и абстракции, методы анализа, конфликт.

Сценарий — это модель будущего, в которой описывается возможный ход событий с указанием вероятностей их реализации. В сценарии определяются основные факторы, которые должны быть приняты во внимание, и указывается, каким образом эти факторы могут повлиять на предполагаемые события.

Под прогнозом понимается научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем, об альтернативных путях и сроках его осуществления.

Сценарное прогнозирование используется с целью выявления общего результата влияния отдельных прогнозов. Сценарий объединяет отдельные прогнозы в единое целое, показывает совместное

воздействие отдельных прогнозов и позволяет проверить внутреннюю согласованность прогнозов.

Понятие «социально-трудовые отношения» выделилось в самостоятельное направление исследований сравнительно недавно, но это не означает, они не изучались. Их использовали в практической деятельности предприятий, но терминология и целевая специфика была совершенно иная [1].

В современном понятии социально-трудовые отношения характеризуют экономические, психологические и правовые аспекты взаимосвязей индивидумов и социальных групп в процессах, обусловленных трудовой деятельностью [2, 3].

Анализ социально-трудовых отношений проводят по трем направлениям: *субъекты, предметы, типы.*